

Николай Митрохин

Лори Манчестер. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. Пер. с англ. А. Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с. ISBN 978-5-4448-0265-6.

Николай Митрохин. Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 3, 28359 Bremen, Germany. mitrokhin@uni-bremen.de.

Книга Лори Манчестер посвящена одной из ключевых социальных групп предреволюционного периода, оказавшей значительное влияние на формирование русской и советской интеллигенции. Она описывает мировоззрение и поведение тех детей клириков, которые после семинарии отказались от принадлежности к словию, что кормило их отцов и дедов. Обобщенное название их было «поповичи». Они стали чиновниками, врачами, учителями, публицистами и издателями, а также, разумеется, революционерами, и, по мнению автора, сформировали особую традицию внутри того общественного слоя, который стал называться русской интеллигенцией.

Издание «Новым литературным обозрением» перевода книги Манчестер – достойный вклад сразу в две дискуссии о российской истории второй половины XIX – начала XX веков, которые ведутся последние полтора десятилетия: о системе высшего образования (Дмитриев 2012; Маурер, Дмитриев 2009; Мраморнов 2007; Hedda 2008; Mogilner 2013) и о сословиях и их трансформации (Каплуновский 2000; Пушкарева 2011; Чуйкина 2006; Kaplunovski 1999, 2006).

В своем исследовании Манчестер опирается в первую очередь на комплекс дневников и мемуаров значительной группы поповичей, получивших светские профессии с середины XIX до начала XX века. На их основе автор делает следующие важные выводы, которые, на мой взгляд, позволяют принципиально по-новому взглянуть на общественно-политическую историю Российской империи и Советского Союза.

По мнению Манчестер, поповичи представляли собой социальную общность, наделенную схожими социальными характеристиками, часть из которых была сформирована в детстве, под влиянием отцов – преимущественно сельских и провинциальных священников (о детях духовенства крупных городов автор практически не упоминает), другая – в юности, то есть во время учебы в семинариях.

Детство в семье сельского священника, по мнению автора исследования, развивало в них «народность», то есть любовь к труду и быту простых людей (какими были, разумеется, и их отцы), определяла простоту вкусов и нравов¹. Учеба в семинарии, несмотря на жесткий режим и довольно жестокие нравы, развивала тер-

---

¹ Апологетика «простого сельского священника» здесь напоминает известную специалистом книгу Александра Розова (2003), построенную на материалах провинциальной православной прессы.

пение, настойчивость, способность к освоению знания, коллективизм, прививала братское отношение к людям с аналогичным жизненным опытом.

Из семинарии в мир, согласно описанию автора, выходили люди энергичные, с высоким уровнем мотивации к продолжению учебы, коллективистски настроенные, обладающие презрением к пустопорожнему времяпрепровождению и сложным ритуалам, принятым у их социальных конкурентов – дворян. Плохо зная (или совсем не зная) современные иностранные языки (на которых общались между собой дворяне), они гордились своим знанием русского (с. 65–75).

Зависимость поповичей от дворян на первом этапе становления профессиональной карьеры, когда бедно одетые, с простонародными манерами, студенты-поповичи ради элементарного пропитания учили дворянских детей и при этом нередко попадали в нелепые ситуации (например, за обедом или на балу), приводила к оформлению социального антагонизма между двумя группами в интеллигенции. Дополнительно его закреплял выбор профессий. Дворяне выбирали преимущественно военную службу и престижную государственную деятельность (чему способствовало их стремление к получению юридического образования). Поповичей интересовали области деятельности, направленные не на службу, а на служение «простому народу» и отчасти связанные с повседневной деятельностью их отцов – то есть прежде всего медицина и учительство, прикладные области науки, а также (для наиболее малообразованной их части) – низовая работа в бюрократическом аппарате.

Таким образом, противопоставляя свое трудолюбие и народность якобы праздному образу жизни дворян, поповичи закрепляли в себе присущее им еще с детства чувство принадлежности к «святому сословию», имеющему миссию работы на благо народа.

По мнению Манчестер, общий этос служения народу разделяли поповичи с различной политической позицией – находящейся в диапазоне от черносотенства до радикального марксизма. И хотя степень участия поповичей в революционных организациях была существенно меньше, чем принято считать (и Манчестер доказывает это собственноручно собранной статистикой), возникает вопрос: как именно поповичи в рамках революционных партий регулировали свои отношения с презируемыми ими дворянами?

Несмотря на то, что Манчестер не дает на это развернутого ответа – описанные ею в этом отношении сюжеты скорее не приводят ни к каким очевидным выводам, – это дает отличную возможность продолжения работы ее последователям. Было бы очень интересно посмотреть, как борьба двух типов русских интеллигентов продолжалась в советский период и какие формы она принимала. Означало ли уничтожение «ленинской гвардии» (часть которой была потомственными дворянами) семинаристами Иосифом Сталиным и Анастасом Микояном реванш революционеров-народников, столь ярко конфликтовавших до революции на Кавказе с дворянами-меньшевиками? Связан ли был союз Андрея Жданова и Николая Вознесенского общностью происхождения (один был сыном, другой – внуком священника)? Была ли удачная компания против них со стороны Георгия Маленкова вызвана тем, что он был потомственным дворянином? Был ли советский «начетнический» марксизм сталинского вре-

мени продолжением бурсацких традиций тотального заучивания и мог ли быть «творческий марксизм» конца 1950-х–1960-х годов реинкарнацией более свободной трактовки, свойственной благородному сословию?

Однако есть в этой великолепной книге и темы, оставшиеся нераскрытыми, и вопросы, остающиеся без ответа.

Как говорилось выше, Манчестер в качестве основных источников для своей работы использует мемуары и дневники (и отчасти – переписку) поповичей. Отдельные архивные документы, материалы церковной прессы и немногочисленные подсчеты, сделанные по справочникам, носят в книге факультативный характер. Этот де-факто автобиографический дискурс вызывает вопрос о том, как еще, с использованием других типов источников, можно взглянуть на рассматриваемую социальную группу. В частности, автор почти полностью упускает аспект, который столь же очевиден, сколь и не раскрыт здесь – это отношения к поповичам со стороны тех, кого они столь критически оценивали в своих мемуарах и дневниках. Например, они сильно не любили большинство преподавателей, которые были преимущественно монахами. А что сами монахи-преподаватели писали о своих учениках? Какими они их видели? Что думали о поповичах, ушедших в мир, те их соученики, которые выбрали все-таки путь священства (а таковых, согласно статистике, было большинство)?

Очень много места в книге посвящено взаимоотношению поповичей с отцами. Эта тема повторяется из главы в главу, хотя по сути речь идет, как правило, об одном и том же – поповичи восхищались своими отцами. Как утверждает автор, матери были для них не важны, а порой и вовсе воспринимались, в отличие от отцов, негативно. Соответственно, возникают вопросы о том, как складывались отношения с другими членами разветвленных священнических кланов, начиная от братьев и сестер. Однако если о братьях автор еще кратко пишет (в контексте фактической замены отца старшими из них (с. 229–230)), то рассмотрение отношений со всеми остальными родственниками остается без ее внимания.

Другой, очевидно упущенный момент – это распространение в семинариях в начале XX века радикальных воззрений, функционирование там подпольных организаций (хотя Манчестер несколько раз упоминает об их наличии или о том, что у семинаристов была нелегальная литература). Однако масштаб явления был достаточно велик, чтобы посвятить этому вопросу как минимум полноценный параграф. И в нем было бы уместно провести параллели с работой предшественника (Могильнер 1999).

Здесь становится заметно, что автору куда интереснее сюжеты периода начала XIX века – 1880-х годов, поповичи XX века в представленном материале освещены весьма и весьма фрагментарно.

В то же время многие утверждения автора (о почитании отцов, видении поповичами своей жизни как миссии, об их «братстве», усердии и терпении, о свойственном им ощущении морального превосходства) многократно повторяются. Опротечливо закрывая книжку без закладки несколько раз, я с трудом снова находил место, на котором остановился, поскольку фактически одни и те же сюжеты со ссылками на те же источники рассматривались в разных частях работы. Думаю,

что при удалении повторов работа могла бы сократиться на четверть, если не более. В то же время она могла бы быть дополнена за счет глав о работе и профессиональной социализации поповичей или об их потомках и их образовательных и профессиональных траекториях.

Большое удивление и иронию вызывает также та часть 7-й главы книги, в которой речь идет о личной жизни поповичей. Автор делает замечание, что для мемуаристов из числа поповичей жены были настолько не важны, что они практически ничего не писали о ней в мемуарах. Лишь по отдельным упоминаниям можно понять, что они, при всей их демократичности, старались поставить жен в подчиненное положение.

Если даже это было действительно так, то в данном случае зависимость от собранной коллекции автобиографий самих поповичей могла бы быть преодолена за счет дополнительных источников – у меня мало сомнений в том, что при желании можно было найти как минимум с десяток мемуаров жен поповичей. Однако автор не делает этого, а неожиданно посвящает несколько страниц якобы свойственному большинству поповичей страстному увлечению наукой и социальным служением – настолько поглощающим, что жена, якобы, для них становилась до такой степени лишней (с. 301–304, 311–328), что они отказывались от выполнения супружеских обязанностей или не женились вовсе – опасаясь испортить свою любовь плотскими отношениями, боясь женщин вообще или воспринимая их с отвращением (с. 317–318), или писали своим друзьям письма, пронизанные высоким уровнем нежности и вполне откровенными признаниями (с. 323–324).

На естественно возникающий вопрос – а что мы знаем о гомосексуализме поповичей, воспитанных в условиях закрытого мужского института бурсы, с описанными Манчестер сексуальными покушениями со стороны старших воспитанников и педагогов (с. 229–230) – у автора нет ответа. Она даже не задается вопросом о возможной связи подобного как бы асексуального поведения и радикализма описываемых персонажей с гомосексуальностью, предпочитая вести речь о высокой духовности поповичей. Никакой статистики о том, какая часть ее героев не стала жениться, разрушила брак вскоре после свадьбы, сколько из них жили под разными предлогами с другими мужчинами, в тексте нет.

Однако подобный анализ мог бы дать ключ к пониманию того, почему как минимум часть семинаристов избегали уготовленной им судьбы приходского женатого священника. Уход в студенты, затягивание, а затем и откладывание вопроса о нежелательной женитьбе, самостоятельная «холостяцкая» жизнь без брака (с. 273–280) были, на мой взгляд, отличным вариантом, особенно для тех геев и асексуалов, которые не хотели идти в монахи – тогда наиболее неграмотную, дикую и закрепощенную часть духовного сословия. Примечательно, что из четырех персональных историй поповичей, описанных Манчестер в последней главе, герои трех не создали нормальных семей и остались бездетными, зато могли бы в конце XX века обладать типичными «гей-судьбами» – блестящий интеллектуал-публицист и поэт, рано умерший на руках у своего издателя, банкир-собираатель художественной коллекции, ученый-книжник, живший исключительно для своих учеников и коллекций.

Прекрасную возможность потолковать об этом дает и обложка русского издания книги, на которой воспроизведена картина художника Михаила Нестерова «Философы» (1917 год) с неторопливо бредущими по пригорку священниками – сыном типичного поповича, геем и монахом Павлом (Флоренским)² и сыном священника Сергием Булгаковым.

И здесь мы возвращаемся вновь к работе автора с источниками. В какой мере использованный Манчестер комплекс нарративных текстов – мемуаров, беллетристики и дневников – соответствовал реальному жизненному опыту этих людей? В каком соотношении с ними находятся прочие архивные материалы, хранящиеся в личных фондах этих персонажей? В какой степени поповичи были в своих текстах независимы от господствующих в их среде нарративов? Все это вопросы, на которые после прочтения этой несомненно важной и интересной книги у меня нет ответа.

Подобные же вопросы, но в куда более жесткой форме, возникли у читателей первой, англоязычной, версии этой книги. В 2012 году в международном журнале *Ab Imperio* – одном из ведущих академических изданий, посвященных российской истории, – было опубликовано одновременно две рецензии русскоязычных авторов на работу Манчестер. Если тверской филолог Александр Сорочан (2012) лишь обратил внимание на вероятный зазор между автобиографическим самоописанием и реальными биографиями героев Манчестер, то другой автор – белорусский историк Рустам Матусевич (2012) – справедливо отмечает непоследовательность и некорректность в использовании источников, чрезмерно широкий исторический горизонт охвата и слабую обоснованность многих выводов Манчестер. Однако вместе с тем Матусевич вообще отказывает поповичам в праве называться социальной группой. Он объясняет это разницей в политических взглядах поповичей в постбурсацкий период и не слишком большим количеством коллективных практик, не демонстрирующих не то что единство, но хотя бы какие-то общие инициативы этих людей. Манчестер в ответном письме в редакцию в свою очередь справедливо констатировала, что общность происхождения и полученного среднего образования дает возможность именовать поповичей самостоятельной социальной группой, но при этом оставила без комментариев вопрос о коллективных практиках и коллективной идентичности этой группы после бурсы (Manchester 2012).

На чрезмерную зависимость Манчестер от автобиографического дискурса поповичей и на малоубедительное конструирование отдельных, якобы присущих исключительно поповичам, воззрений указывали и другие рецензенты (Байфорд 2009; Таканова без даты; Randolph 2010). Боюсь, с годами список серьезных претензий и поправок к работе будет только расти.

Тем не менее, книга Лори Манчестер не зря получила в 2009 году приз Американской ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований – основной североамериканской организации, объединяющей славистов и историков России, Центральной Европы и Евразии – и стала стандартным текстом

---

² Его любовная лирика, посвященная соседу по общежитию, расшифрована и опубликована (Бурмистров 2004).

для чтения как минимум одного поколения американских студентов-славистов. Она существенно расширила наши представления о роли и месте трансформирующегося священнического сословия в социальной и политической истории России XIX – начала XX веков. Она позволила и по-новому взглянуть на истоки советского политического класса, и открыла дорогу для целой группы новых исследований, которые могли бы более четко, на основе новой методологии работы с источниками личного происхождения, описать роль различных социальных групп в Российской империи XIX–XX веков, а также поставить вопрос об их бытовании в СССР и трансформации в социальной структуре советского общества. И хотя бы по этой причине она нуждается в прочтении и осмыслении и на постсоветском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурмистров, Константин. 2004. «Гебраист Павел Флоренский. Заметки вездливого читателя». *Солнечное сплетение* 8(27):212–218.
- Дмитриев, Александр, ред. 2012. *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы)*. М.: Новое литературное обозрение.
- Каплуновский, Александр. 2000. «Мещанская община». С. 294–415 в *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья*. Ульяновск: Издательство Средневолжского научного центра.
- Матусевич, Рустам. 2012. «Были ли поповичи?» *Ab Imperio* 2:460–480.
- Маурер, Труде и Александр Дмитриев, ред. 2009. *Университет и город в России (начало XX века)*. М.: Новое литературное обозрение.
- Могильнер, Марина. 1999. *Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа*. М.: Новое литературное обозрение.
- Мраморнов, Александр. 2007. *Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах)*. Саратов: Научная книга.
- Пушкарева, Наталья. 2011. «Женщины в советской науке 1917–1980-е гг.». *Вопросы истории* 11:92–102.
- Розов, Александр. 2003. *Священник в духовной жизни русской деревни*. СПб.: Алетейя.
- Сорочан, Александр. 2012. «Поповичи как культурный текст и биография». *Ab Imperio* 2:481–487.
- Таканова, Екатерина. Без даты. Рецензия на *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*, by Laurie Manchester. Сайт кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ. Просмотрено 10 июля 2016 г. (<http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/d2b/12304.pdf>).
- Чуйкина, Софья. 2006. *Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы)*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Hedda, Jennifer. 2008. *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Kaplunovski, Alexander. 1999. "Die Gemeinde der meščane in Russland: Die Endphase." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 47(3):341–361.
- Kaplunovski, Alexander. 2006. "Kučeškie prikazčiki und torgovo-promyšlennye služuščie: Die Dynamik sozialer Identitäten im ausgehenden Russländischen Reich im Fokus der Begriffsgeschichte." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 54(3):375–409.
- Manchester, Laurie. 2012. "An Answer to My Critics, or the Confessions of an Unrepentant Interdisciplinary." *Ab Imperio* 2:488–490.
- Mogilner, Marina. 2013. *Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Randolf, John. 2010. Review of *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*, by Laurie Manchester. *The Journal of Ecclesiastical History* 61(2):427.